

Чэнь Гуан всегда специализировался на образах невинных и свежих, а теперь, столкнувшись с сильным соперником, решил ввязаться в бой на чужом поле. Трудно сказать, что это было: безграничная уверенность в себе или отчаянное, непреодолимое желание сменить амплуа.

Режиссёру понравился выбор обоих кандидатов. Впрочем, Чэнь Гуан он знал лучше, а потому его решение удивило сильнее. Режиссёр предоставил ему право выбрать, кто будет выступать первым.

Чэнь Гуан вызвался идти первым.

В студии имелись голографический проектор декораций и съёмочные камеры. Чэнь Гуан решил лечь среди алых роз, а камеру настроил на ракурс сверху вниз, планируя съёмку в ракурсе пике. Когда вспыхнуло кроваво-красное море цветов, режиссёр невольно покосился на Чжо Ланя, который ждал своей очереди, пристроившись сбоку.

Демонически прекрасный лик представителя Кровного клана и багряные розы — классическое, проверенное веками сочетание. И пускай сейчас Чжо Лань сидел с ледяным лицом, напоминая неприступный горный цветок на заснеженной вершине, режиссёр подумал, что даже в этот суровый образ идеально вписалась бы яркая роза, небрежно торчащая из нагрудного кармана.

Сам же Чжо Лань, глядя на приготовления Чэнь Гуана, лишь скептически хмыкнул: если по-настоящему завалиться в такие кусты, то без истошных воплей от острых шипов точно не обойтись.

Хотя кто знает, возможно, в эту эпоху селекционеры давно вывели розы без колючек.

Так или иначе, Чэнь Гуан принял горизонтальное положение в виртуальной розарии и выдал нечто бессодержательное... то бишь, выражаясь словами Чжо Ланя, принялся ужимками извиваться перед объективом.

Если точнее, он обращался с камерой как с объектом соблазнения: томно прикрывал веки, завлекательно улыбался, то приоткрывал рот, то облизывал губы, ворочался с боку на бок и оттягивал воротник рубашки — словом, пустил в ход весь арсенал дешёвого кокетства.

Справедливости ради, парень действительно выложился на полную, демонстрируя твердое намерение сменить амплуа. Результат долгих изнурительных тренировок разительно отличался от его прежних ролей, и в целом задумка сработала. Заметь это его преподаватель по актёрскому мастерству, наверняка бы растрогался до слёз от такого прогресса.

Но Чжо Лань не переставал изумляться: неужели за сотни лет понимание чувственности в искусстве так и застряло на этом примитивном уровне? Или у Чэнь Гуана столь скудное представление о притягательности? К тому же рвение соперника казалось чрезмерным — Чжо Лань отчётливо видел, как тот переигрывает. А ведь в описании парфюма чёрным по белому

значилось: «зрелость, солидность, скрытая сексуальность». Чэнь Гуан же вывалил страсть на все деньги, напрочь позабыв о сдержанности.

Спустя пару минут Чэнь Гуан наконец закончил елозить по полу... то есть завершил этюд.

Когда тот поднимался, Чжо Лань благодаря своему феноменальному зрению представителя Кровного клана разглядел серые разводы пыли на его белоснежной рубашке. Режиссёр тем временем обратился к актёру:

— Использовал эмоциональный индуктор перед пробами?

«Что ещё за чертовщина?»

— Нет, — честно признался Чэнь Гуан. — Только однажды, на практических занятиях в актёрской школе.

Режиссёр кивнул и, не вдаваясь в подробности, перевёл взгляд на Чжо Ланя:

— Твой черёд.

Чжо Лань небрежно отозвался, поднялся с места и, прихватив стул с высокой спинкой, на котором только что сидел, оттащил его на середину съёмочной площадки.

Помня о том, что перед ним «древний человек», едва оправившийся от криосна, режиссёр указал на голографическую установку:

— Справишься с управлением? Какие декорации тебе запустить?

— Не нужно, обойдусь без них, — качнул головой Чжо Лань.

О существовании подобной техники он даже не подозревал, поэтому заранее репетировал сцену в пустом пространстве. Без виртуального фона атмосфера, конечно, немного пострадает, но его задумка не требовала сложных спецэффектов, так что беспокоиться было не о чем.

Слегка развернув объектив камеры под нужным углом, он отступил к краю площадки, кивнул комиссии, давая понять, что готов, и начал.

Холодный, суровый офицер с золотистыми волосами медленно пошёл вдоль невидимой стены, приближаясь к судьям.

Взгляд его был устремлён строго перед собой — ни на людей, ни в объектив он не смотрел.

Четкий, размеренный стук каблуков эхом отдавался в тишине комнаты. Остановившись, мужчина сделал характерное движение, словно нажимал на ручку двери.

Присутствующие мгновенно поняли без слов: герой только что шёл по коридору, а теперь переступил порог комнаты.

На самом деле, режиссёр уловил суть задолго до того, как актёр перешёл к активным действиям. Концепция «аскетизм скрывает в себе порочную страсть» испокон веков считалась вершиной чувственного искусства.

И вот, оказавшись внутри, Чжо Лань начал раздеваться.

Это не было вульгарным стриптизом — лицо юноши оставалось абсолютно бесстрастным, движения выглядели буднично и естественно. Однако намётанный глаз режиссёра сразу зацепился за детали: парень чертовски хорошо знал своё дело.

Первым движением он расстегнул тяжёлый кожаный ремень портупеи. Тонкие, изящные пальцы приковывали к себе внимание гипнотическим ритмом. Затем одна за другой распахнулись пуговицы кителя; Чжо Лань скинул его одним небрежным, но удивительно грациозным жестом и повесил на спинку принесённого стула. Ослабил узел галстука, стянул его и бросил следом. После пришёл черёд манжет: пара лёгких движений — и подвёрнутые рукава обнажили точёные запястья. Сбросив высокие армейские сапоги, он остался босиком, явив взору безупречные изгибы щиколоток.

Каждое действие перетекало в следующее плавно, словно в завораживающем танце.

Подобная простота обманчива: то, как артист вскидывает руку, как поворачивает кисть или стягивает ткань, требует колоссальной работы над пластикой. Только так обыденная пантомима превращается в высокое искусство. Режиссёр наблюдал за юношей вживую, затаив дыхание от эстетического удовольствия, но на экране видеоискателя картина обретала ещё более глубокий, почти сакральный смысл.

Видеть, как холодный, неприступный образ лишается своих доспехов, было сродни созерцанию падения древних печатей. В груди зрителей невольно разгоралось томительное предвкушение.

Чжо Лань положил ладонь на пряжку брючного ремня.

С тихим шорохом кожаная лента выскользнула из шлёвок. Он не стал расстёгивать ширинку, но под собственной тяжестью плотная ткань брюк слегка разошлась на бёдрах. Пальцы скользнули под пояс, медленно высвобождая полы рубашки — сквозь тонкий хлопок на миг проступила полоска нижнего белья. Чжо Лань принялся расстёгивать верхние пуговицы рубашки. Ткань приоткрылась, обнажая безупречно очерченные ключицы... и в этот самый миг он внезапно повернулся спиной.

Члены комиссии мысленно взвыли: «Погоди, как это?! А продолжение где?!»

Игнорируя немой вопрос, застывший в глазах жюри, Чжо Лань неторопливо двинулся к неприметной двери гримёрки, продолжая раздеваться на ходу. Со спины было видно, как ворот рубашки сползает с плеч, обнажая лопатки, но рассмотреть хоть какую-то пикантную деталь оставалось невозможным. Зрителям не оставалось ничего другого, кроме как безудержно отдаться воле собственной фантазии.

Чжо Лань толкнул дверь, но не спешил переступить порог. Он замер в проёме.

Чуть повернув голову, он бросил мимолётный, лукавый взгляд из-за плеча прямо на ошеломлённых судей. Казалось, ещё мгновение — и сквозь косой ракурс промелькнёт обнажённая грудь, но иллюзия растаяла, так ничего и не раскрыв.

Затаив дыхание, они жадно всматривались в его лицо, пока их взгляды наконец не пересеклись.

На губах Чжо Ланя заиграла едва заметная, дразнящая усмешка.

Он слегка приоткрыл рот, и на долю секунды из-под губы блеснули острые клыки Кровного клана.

У судей перехватило дыхание.

Поразительный контраст ударил без промаха. Насколько неприступным и ледяным он казался вначале, настолько обжигающе порочным предстал теперь.

Но стоило присутствующим податься вперёд в тщетной попытке рассмотреть детали, как юноша решительно перешагнул порог и захлопнул за собой дверь.

Раздался сухой щелчок замка.

<http://bllate.org/book/19532/1959646>